

© 2006 г.

Н.В. КОВОИЦЫНА

ЧЕШСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АДАПТАЦИИ К ПЕРЕМЕНАМ

КОВОИЦЫНА Наталья Васильевна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, ученый секретарь Комиссии историков и архивистов РФ и ЧР.

Среди народов, с которыми в прошлом веке была тесно связана история советского или восточного блока, его формирования и распада, особое место принадлежит чешской нации. Наш интерес к ней вызван не только общностью опыта СССР и ЧССР, но и тем, что чехи всегда были и остаются (пожалуй, больше многих других народов региона Центральной и Юго-Восточной Европы) склонными признавать ведущую роль России в славянском мире, отдавая должное наследию духовной культуры большого восточного соседа.

Конструкция идентичности каждого из народов, прошедших трансформации середины и конца XX века, предопределяет особенности этого их пути. Проблема адаптации к изменениям и сопротивления сначала коммунистическому, а потом либерально-демократическому режимам - одна из ключевых для современных социальных и гуманитарных наук. В этом отношении важен опыт чехов - *самых западных славян*. Он свидетельствует: в конечном счете, именно от способности к адаптации к переменам без потери внутренней сущности зависит благополучие - не только материальное - отдельных народов, их прошлое и будущее.

Инициированная чехами Пражская весна 1968 г. стала началом конца социалистического блока и его институтов - СЭВ и Варшавского Договора. Но они же последними в регионе отказались от них, а их революция 1989 г. стала *самой бархатной* [1]. И здесь нет противоречия. В обоих случаях ориентации людей оставались неизменными. Даже на пике реформаторского движения в июле 1968 г. хотели возвращения к капитализму не более 5% опрошенных. То же - во время событий ноября-декабря 1989 г., когда всего 3% опрошенных отдали приоритет капиталистическому пути развития. А 90% в атмосфере революционной эйфории "бегства из социализма", тем не менее, хотели его сохранения или выбирали "средний" между капитализмом и социализмом путь [2].

"В Чехословакии социализм не был принесен в конце второй мировой войны на штыках советской армии, а родился из устремлений большинства населения, для кото-

рого справедливость и равенство, обещанные им, представлялись в этическом отношении более нравственными, чем несправедливость и неравенство капитализма". Так пишет в книге *"Маленький чешский человек и великая чешская нация"* (Прага, 2001) Ладислав Голы - социальный антрополог и этнолог, эмигрировавший из страны после 1968 г. [3]. Массовая поддержка Компартии на выборах в Законодательное национальное собрание 1946 г. свидетельствовала о том, что социалистические принципы общественного устройства предпочитало большинство чешского населения, что не было характерно в то время для менее экономически развитой Словакии. Спустя полтора десятилетия в Конституции 1960 г. Чехословакия декларировала завершение создания социалистического государства "второй в истории после Советского Союза". Важнейшим элементом идеологии всех бывших соцстран было социальное равенство, однако в Чехословакии оно реализовалось более последовательно, чем где бы то ни было. Например, здесь частный сектор экономики был ликвидирован самым радикальным образом.

Дело, однако, даже не только в социально-политических склонностях чешского общества, а в их постоянстве, определенности. Неприятие западной неолиберальной модели капитализма уже во второй половине 1990-х годов привело чешских интеллектуалов к мысли о необходимости принципиальной корректировки стратегии экономических реформ. "Правые по высказываниям, но левые по делам" чехи отчетливо осознали неадекватность западной модели их культурной традиции, сформулировав вывод: "Пора возвращаться из наших странствий домой" [4]. За либеральные ориентации периода реформ, выразившиеся в тезисе "каждый должен позаботиться о себе сам", сторонние наблюдатели нередко принимали характерное для этого народа отрицание всего чужого, иностранного, усилившуюся в период радикальных перемен национальную замкнутость [5].

Чешская нация принадлежит к числу *"старых"*. Это "оазис" не столько ускоренных общественных изменений (как проповедовали в 1990-е годы наши отечественные идеологи либерализма), сколько *стабильности*, приверженности *консервативным* ценностям. Впрочем, в той или иной степени, подобная ориентация характерна и для остальных народов региона, расположенного между европейским Западом и Востоком, независимо от уровней их цивилизационного развития. Однако присущая именно чешской культуре, на первый взгляд противоречивая, совокупность ценностей и норм позволяет этому народу не только успешно адаптироваться к быстро меняющейся действительности современного мира, но и сопротивляться нежелательным новациям, сохраняя стержень своей идентичности как основу национального выживания и процветания. Эффективность чешского сопротивления многократно подтверждена историей. Это сопротивление, проявившееся в годы второй мировой войны (тогда погибло 22% польского населения, но всего 1,5% чешского) [6] или в период "общественной нормализации" после событий 1968 г., - неявное, больше похожее на адаптацию, то есть *сопротивление через адаптацию*. Речь идет об уникальном социокультурном феномене.

К представителю чешской нации нередко применяют понятие "маленький чешский человек", подразумевая его слабую мотивацию грандиозными идеалами и широкомасштабными проектами. Жизненный мир этого человека ограничен семьей, работой, самыми близкими. Ко всему, что находится за пределами этого мира, к разного рода новшествам чешский человек относится с большой долей скептицизма, осторожно и недоверчиво, избегая рискованных ситуаций. Взгляды его на первый взгляд приземленные, он явно не романтический герой. Явление *"швейкизма"* отражает сущность чешского человека, его здравый рассудок и способность к пассивному сопротивлению.

После поражения в битве на Белой горе в 1620 г. Чехия на три столетия лишилась независимости, попав под господство Габсбургов. Население подверглось процессам германизации, потеряв национальную аристократию. *"Триста лет мы терпели"*, - говорят чехи, освоившие тогда способ жизни по отличающему только их принципу *"против всех"*. Денационализация высших слоев общества привела к необходимости ведения длительной борьбы за самосохранение в условиях "неполной социальной структуры", или "стратификационной неуравновешенности". Тогда же сформировались исторические корни характерного для этого народа эгалитаризма, эгалитарного этоса, а также приоритет социальных ориентации над индивидуалистическими, когда

существование отдельного человека подчинено процессам выживания и развития всего социума. Особенно явно это проявляется в кризисные, переломные периоды истории. В это время чешский человек превращается в ничем не выдающегося обывателя и конформиста. Однако образ этот обманчив.

Чешский народ пережил неблагоприятные периоды своей истории благодаря простым людям, народной культуре, приоритету коллективной идентичности над индивидуальной. Существует метафора "*чешские дети*", что означает: у каждого чеха две матери, его вторая мать - Родина. Личная идентичность производна от принадлежности к семье, в том числе к "большой семье" - национальной, к государству - защитнику национальных интересов, независимость которого превозносится. "Семья" является условием существования отдельного человека, не автономного, а неотделимого от нее. В целом для восточноевропейской действительности характерно, что именно в семье, в неформальном кругу на протяжении столетий закладывались основы культуры проживающих здесь народов. Семья и нация остаются не только для чехов, но и других народов региона независимо от уровня их цивилизационного развития, от экономики или политики фундаментальными ценностями. Эти две межпоколенческие общности на протяжении всей истории народов региона дают им ощущение идентичности.

По мнению Л. Голы, национальная идентичность для чехов является базовой коллективной идентичностью и превосходит по значению все остальные ее виды. Это идентичность естественная. В отличие от польской, чешская идентичность в определенном смысле *закрытая*, она связана с территорией страны: лишь те, кто проживает здесь и говорит по-чешски, считаются полноценными чехами. То есть необходимо непосредственное участие человека в культурной и политической жизни своего народа. "Самодостаточность" позволила чехам пережить время, когда они оказались практически изолированными от западноевропейской цивилизации, с которой их связывало больше, чем остальные народы региона.

Среди своих отрицательных качеств сами чехи называют зависть, конформизм, нетерпимость, эгоизм. Тем не менее, каждый человек не отделяет себя от своего народа, демократизм которого составляет предмет его гордости. Как и традиционно высокий уровень культуры и образования, сочетающийся с дефицитом широты мировоззрения и устремленности к идеалам. Чехи всегда достигали своих целей не с помощью революций, насильственных действий, а посредством кропотливого квалифицированного труда - "*не кровью, а трудом*", который лежит в основе их гуманизма и демократизма, как и представлений о социальном равенстве и справедливости. Они ставят перед собой реалистические цели и решают их благодаря трудолюбию и национальной солидарности. Позитивный образ чешской нации сочетается в ее собственном сознании с негативным образом отдельно взятого чеха. Его приспособляемость к сменяющимся политическим режимам, как и стремление заявлять о себе миру конкретными делами, сформированы историей этой "недворянской" нации, прошедшей раннеиндустриальный этап общественного развития в третьей четверти XIX века, "повторив" этот путь столетие спустя - в годы социалистической индустриализации вместе с остальными, преимущественно аграрными на старте послевоенных преобразований странами ЦЮВЕ. Периодом социализма (чехи говорят - "госсотциализма") традиционный чешский эгалитаризм был развит. Ярко проявились и такие черты чешского характера, как ценностный релятивизм, расчет на патерналистскую функцию государства, глубоко укорененные в национальном сознании [7].

Чехия дала образец наиболее последовательного перехода к обществу массового потребления в условиях соцсистемы. "Пока Запад возбужденно дискутировал о потребительском обществе, мы поневоле тихо реализовали эту идею", - пишет Иво Можны [8]. Расцвет частной, семейной сферы жизни стал важнейшим фактором стабильности коммунистического режима в странах региона в 1970-е годы. Особенно отчетливо это проявилось в условиях чешской "нормализации". Слабость политической оппозиции отличала Чехию от Польши или Венгрии того периода. Диссиденты здесь не имели большого влияния на развитие событий в преддверии революционных перемен, как и в ходе их. Не было длительных переговорных процессов коммунистов-реформаторов и оппозиции, а политический режим рухнул за несколько дней под давлением улицы - спонтанного всплеска выступлений людей в символическом сердце страны на Вацлавской площади Праги.

Традиционные носители здравого рассудка относили диссидентские круги к "чужим". Их взгляды встречали уважительное отношение как альтернативные официальным, но господствовало мнение: *"не можем же мы все быть диссидентами"*. Как и представители коммунистической номенклатуры, борцы с режимом, по мнению простого чешского человека, "жили от идеологии". И элита, и контрэлита в обществе периода "нормализации" имела относительно небольшую массовую поддержку. Не что иное, как преобладающие в чешском сознании принципы социального и материального равенства, заставляли людей инстинктивно держаться в стороне и от тех, и от других. Попытка разрушить существующий порядок вызывала у чешского человека (увы, не у нашего соотечественника) разумный вопрос: "Хорошо, но что будет с собственностью?".

Чешский фольклор 1970-х годов повествовал о шести чудесах, точно характеризующих способ массовой адаптации, больше похожей на пассивное сопротивление: Все принадлежат к числу занятых, но никто не работает. Никто не работает, но план выполняется на сто процентов. План выполняется на сто процентов, но в магазинах пусто. В магазинах пусто, но у людей все есть. У людей все есть, но режим ругают с утра до вечера. Режим ругают, но на выборах голосуют стопроцентно "за".

Картина состояния чешского общества в преддверии перемен нарисована И. Можны в его известной книге, вышедшей в Праге в 1991 г., "Почему так легко... Некоторые семейные предпосылки бархатной революции" [8]. В ней он, пожалуй, первым указал на истинного субъекта смены режима рубежа 1980-1990-х годов - саму правящую элиту ("истеблишмент"). Она пошла на преобразование своего социального капитала в капитал экономический ради детей, превращавшихся в его собственников.

Для чехов характерна неполитическая форма оппозиции. Они идентифицируют себя как "культурный народ без политиков" (П. Питгарт), когда политическую ответственность берут на себя интеллектуалы с их решительным отрицанием насилия, нравственными и гуманистическими устремлениями. Одним из наиболее известных и стало движение за "социализм с человеческим лицом". Именно сфера культуры в чешском мире выполняет важную политическую роль. Здесь распространено понятие *неполитической политики* с ее просветительскими акцентами, расчетом на рациональную аргументацию и воспитанием гражданственности - слагаемыми чешского демократизма [9]. Представление о писателе как совести народа для чехов свойственно, как и для русских. А одним из их символов является Национальный театр, построенный в период Габсбургской империи на деньги простых людей. На нем написано: *"Народ себе"*.

Значительный отпечаток на чешскую идентичность накладывает положение страны на перекрестке политических, религиозных, культурных течений европейского континента. Чехия первой воспринимает новые передовые веяния, которые нередко именно здесь и рождаются. Так, чехи последовательно выступали в роли авангарда исторических перемен в восточной части Европы - и социалистических, и демократических. Причем они никогда не воспринимали свою страну как западную или восточную, идентифицируя ее как центральноевропейскую, своеобразный мост между Востоком и Западом, германским и славянским миром.

Срединность отличает и структуру чешского общества. Правда, это черта также и польского, венгерского, словацкого - *обществ среднего класса*, или *средних слоев*. Их особенностью является доминирующее положение так называемой культурной буржуазии, *Bildungsbyrgertum* - тех, кто живет и богатеет главным образом за счет своего образования и квалификации, то есть культурного, а не экономического капитала. Поэтому получило распространение определение нынешнего центральноевропейского, в том числе чешского общества как "капиталисты без капитализма".

Чешский человек с давних времен полагается, прежде всего, на институт семьи, его традиционную функцию самообеспечения и самодостаточность. *Семья служит главным инструментом адаптации и сопротивления* по отношению к внешнему миру. Относительно независимая и автономная от государства чешская семья является хранительницей и инструментом передачи национальных ценностей от поколения к поколению. В Чехии, представлявшей наиболее "отклоняющийся" (девиантный) в восточном блоке случай не только самых западных и "цивилизационно продвинутых" славян, но и самой секуляризованной популяции, семья является своего рода формой религии. Исследование, проведенное среди молодых пражских женщин, показало, что боль-

шинство их относит себя к неверующим, не принадлежа ни к одному конфессиональному сообществу, но в то же время обладает религиозной верой, которую они называют крайне индивидуалистической и связанной с семьей [10]. Традиционная модель семьи и брака здесь остается преобладающей.

Институт семьи как практически единственная в 1970-е годы альтернатива официозу "реального социализма" в то время окреп и усилился, став основой "суверенности" индивида по отношению к действительности, при необходимости "убежищем" от нее. Семья была важнейшим источником не только покоя и комфорта, но и накопления творческих сил. Сама власть видела в семье, межпоколенческих отношениях взаимной поддержки и сотрудничества основы социальной солидарности, консолидации общества, которые не могла обеспечить политическими средствами, "сверху". "Социализм начался у нас с того, что обобществил семью, а закончил тем, что был семьей тотально колонизирован" [11]. Большинство семей достаточно хорошо вписались в реалии общества позднесоветского типа, были ими относительно удовлетворены.

Общество восточноевропейского типа во второй половине XX в. сформировало собственный способ демографического воспроизводства, отличный от западноевропейского. Специфический режим естественного движения населения подразумевал определенный набор базовых взглядов - на семью, брак, отношения мужчины и женщины. Они формировались в условиях высокой, практически полной женской занятости и государственной поддержки института брака и рождения детей, а также ограниченных возможностей самореализации людей во многих других сферах жизни. В результате по показателям брачности восточная часть Европы тяготела к группе стран с выраженной традицией католицизма. Но при гораздо более высоких показателях рождаемости.

Демографическая идентичность стран соцсистемы создавала единство этого геополитического пространства, его моральных норм и стиля жизни. Модель демографического поведения, ее нравственный фундамент наиболее ярко отражают характер адаптации восточноевропейца к общественной действительности того времени. Чешский демограф Я. Кучера назвал данный тип демографического поведения *восточно-европейским*. Он характеризуется признанием высокого уровня эмансипированности женщин на рынке труда, предпочтением брачного союза другим формам партнерских отношений, сознанием, что воспитание детей составляет сердцевину семейных отношений, и одобрением развода как формы разрешения конфликтных отношений между супругами. Такой портрет модели семьи рисует М. Тучек [12].

Традиционная форма семейных отношений сохранила свои доминирующие позиции и во время демократических преобразований, нашедших яркое проявление в революционной демографической. В условиях социально-политической дезориентации переходного "от социализма к капитализму" периода семью считали "очень важной в своей жизни" 87% опрошенных, тогда как друзей - всего 24%. Доверяли членам своей семьи 83%, тогда как при общении с чужими людьми "соблюдали осторожность" 73% [13]. Прагматичные чехи предпочли семейную солидарность новой форме социального экспериментирования - привлечению людей в начале 1990-х годов в малый бизнес. В качестве главной стратегии преодоления трудных времен 90% чехов избрали *семейно-оборонительную*, подразумевающую экономию, сокращение расходов, ограничение потребления. Лишь 5% (именно столько в чешском обществе сторонников капитализма - см. выше) выражали стремление создать собственную фирму [13]. Предпринимательская стратегия как форма жизни была отвергнута даже молодым поколением Чехии. Оно не могло смириться с моральными издержками, которые предполагало следование ей.

К числу последовательных сторонников традиционных семьи и брака, признающих святость семейного союза, жертвенность по отношению к детям, осуждающих неверность и разводы, в середине 1990-х принадлежала почти половина опрошенных. Радикально отрицало ее менее 10% чехов [12, с. 67]. Причем различия в нравственных устоях мужчин и женщин, представителей разных поколений имели непринципиальный характер. По результатам последующих исследований, чешские мужчины все больше тяготели к консервативной модели семьи. Стремление к эмансипации, существовавшее у молодых высокообразованных женщин, не встречало понимания у мужчин их возраста. Молодое поколение демонстрировало в некоторых отношениях даже гораздо более консервативные взгляды, чем их отцы и матери [15]. Во всяком случае,

сравнение чешскими социологами данных 1994 и 2002 гг. не выявило существенного отхода от традиционной модели семьи у молодежи. Напротив, растет доля женщин, которых мог бы удовлетворить статус домохозяйки не меньше, чем оплачиваемый труд на производстве [16, с. 39]. Падение брачности отмечалось в годы реформ преимущественно среди низкообразованных слоев населения. У них был наибольший прирост безбрачия. В начале прошлого десятилетия среди чешских женщин моложе 50 лет с основным (8-летним) образованием незамужние составляли всего 4%, а в 1999 г. - уже 51% [19]. Лишь каждая сотая мать двоих детей, имеющая высшее образование, не была замужем, но 12% - с основным (средним) образованием [16]. Внебрачная рождаемость вызвана не в последнюю очередь экономическим положением малообразованных. Ключевым фактором счастливой жизни чеха остается социальный контакт, который заключен в семейных отношениях [17]. Западным специалистов удивляет "живучесть" патриархальных нравов, преобладающих в восточной части европейского континента, в том числе в Чехии, их способность модифицироваться, насколько не уступая господствующим позициям [18].

Значение так называемого семейного капитала, как и отождествление женщин с семейной сферой, после 1989 г. в чешском обществе лишь возросло. С ним чехи преодолели эпоху "консервативной модернизации", незаметно преобразовав ее в "домашний социализм". С явлением "семейного авторитаризма", составляющим основу их исторического опыта, они пережили и трудные времена рыночной демократии. Модели развития и стратегии жизни с ориентацией на индивидуальный успех уже во второй половине 1990-х годов перестали привлекать чехов. Аналогично со второй половины 1950-х годов теряла свою универсальность советская модель развития, и началось восстановление национального и регионального своеобразия в Восточной Европе. Процессы адаптации к заимствованным образцам постепенно сменялись процессами адаптации этих образцов к специфике национальных путей развития. Общерегionalной по своему значению исторической вехой на этом пути и явился 1968 год.

Тема *национальной идентичности* - одна из центральных для современных чешских обществоведов и гуманитариев, в том числе и для социологов. Исследование 1995 г. А. Недомовой и Т. Костелецкого (Социологический институт АН ЧР) подтвердило представление о чешской нации как "относительно замкнутом, традиционалистском и консервативном, национально гомогенном сообществе, идентичность которого историей конституирована и апробирована" [20]. И для такого вывода нашлось достаточно оснований.

Так, интенсивное чувство близости к собственной стране характерно для 9/10 опрошенных. Они явно предпочитают оставаться в знакомой им среде обитания, не удаляясь на большое расстояние от своего места жительства. Чехи не склонны к перемещениям, даже если это сулит им улучшение условий жизни или труда. Их нежелание расставаться со своим домом прямо пропорционально удаленности нового жилища. Целых 3/4 опрошенных и поныне живут там, где выросли, придерживаясь привычного образа жизни и круга знакомых.

Целостность и неделимость республики для большинства населения составляет не вызывающее сомнения условие собственного существования. Чтобы считаться настоящим чехом, человек должен, прежде всего, уметь говорить по-чешски (важно для 94%) и чувствовать себя чехом (91%). Далее следует наличие чешского гражданства (82%), уважение политических институций и законов ЧР (80%). Подавляющее большинство опрошенных формально соответствуют этим условиям - имеют родителей чехов, и предки их происходят из Чешских земель, дома они говорят по-чешски. Чешским языком, по самооценке, опрошенные владеют хорошо, в то время как знанием иностранных языков обладает лишь небольшая часть людей, чуть более трети. Чаще всего из иностранных языков называют немецкий, далее следуют английский и русский. Люди считают, что языковой подготовке в учебных заведениях надо уделять больше внимания [20].

Чувства национальной и государственной принадлежности для чеха, как правило, неразделимы. Респонденты не склонны переоценивать преимущества чешского характера или своего государства. Они гордятся прежде всего своей историей, искусством, литературой. Свою национальную гордость они стремятся проявлять через культуру, а не самобытное государство, которое у них длительные периоды истории отсутствовало. С тем, что люди должны оправдывать свою страну, даже если она на

неверном пути, более менее согласна треть опрошенных. О тенденциях к замкнутости свидетельствует преобладание негативного отношения к чужеродным влияниям - к иностранному капиталу, иммигрантам, культурным заимствованиям. Здесь не сомневаются, что Чешская Республика должна следовать своим интересам без оглядки на другие государства, приветствуются меры, ведущие к ограничению доступа иностранцев в экономику и культуру, ужесточение иммиграционного законодательства. Отношение к национальным меньшинствам достаточно неопределенно. Нельзя сказать, что большинство считает возможной ассимиляцию или, наоборот, поддерживает языковой и культурный плюрализм. Отношение к меньшинствам предопределено приоритетом принципов демократии большинства над принципами договорной демократии. Причем этот вид отношения не обусловлен никакой из социально-демографических характеристик респондента, что ярко свидетельствует о консервативности чешской нации, сочетающейся с демократизмом и средним европейским положением. Подобная пространственная самоидентификация чехов проявляется в оценках опрошенными типа культуры, политической системы, истории. Своего рода евроцентризм проявляется в мнении о том, что Чехия - единственная "чисто" центральноевропейская страна. Наиболее тесные отношения, по опросным данным, у нее с Германией (политические и экономические) и со Словакией (культурные). Информированность чехов о ЕС и НАТО в 1995 г. была крайне низкой.

По ряду показателей национальной идентичности чешская и словацкая популяции, общее государство которых распалось в 1993 г., схожи. В обеих преобладает территориальная идентичность с государством, образ народа включает как культурные, так и государственно-правовые компоненты: их представители обязаны знать свой язык, чувствовать себя соответственно чехами и словаками, уважать политические институты и законы страны, иметь гражданство и жить на территории ЧР или СР большую часть жизни. Чехи и словаки испытывают гордость за свою культуру и не отличаются шовинистическими наклонностями - резюмируют эксперты [21].

Особый интерес представляет исследование "Чешская национальная идентичность после прекращения существования Чехословакии и перед вступлением в Европейский союз", которое провели сотрудники упомянутого Института К. Влахова и Б. Ржегакова в 2003 г., сравнивая его результаты с данными 1995 г. [22].

В 1995-2003 гг. при оценке обязательных компонентов чешской идентичности уменьшился процент тех, кто считал важным умение говорить по-чешски, чувствовать себя чехом, уважать законы и институты ЧР. Напротив, более весомым, по мнению опрошенных, стало чешское гражданство, проживание в республике большую часть жизни, а также рождение на ее территории и - несмотря на высокий уровень секуляризации - принадлежность к христианской вере. Это объясняется ростом числа переселенцев, в том числе из неевропейских и мусульманских стран.

В обоих опросах наибольший процент респондентов идентифицировал себя с Чешской Республикой, меньше - со своим местом жительства и еще меньше - с европейским континентом. За этот период существенно уменьшилась доля ощущавших очень тесную связь с Европой, которая существовала в первые годы после падения Берлинской стены. Одновременно сильно сократился процент опрошенных, испытывавших гордость за политическое влияние ЧР в мире, а также гордившиеся экономическими успехами страны, ее историей. Несколько выросло - после периода радикальных перемен и, главное, после смерти мифа об успешной либеральной трансформации, существовавшего до конца 1996 г., - число гордящихся социальным обеспечением в стране, развитием науки и техники, а также состоянием спорта и вооруженных сил. (Надо заметить, что Чехия наряду с Восточной Германией и Венгрией меньше других склонна прославлять свои вооруженные силы, здесь низкий престиж армии.)

В 1995-2003 гг. существенно увеличились "националистические проявления": возросло количество сторонников тезисов о том, что ЧР - лучшая страна и что мир мог быть лучше, если бы люди из других стран походили на чехов. Однако, несмотря на такой сдвиг, Чехия остается сейчас одной из стран, для которых подобные настроения характерны в наименьшей степени.

Замечено, что с усилением национальной идентичности ослабевает поддержка евроинтеграционных тенденций, готовность следовать решениям ЕС даже в случае несогласия с ними. Согласно полученным данным, 80% опрошенных предпочитали модель Евросоюза, основанную на свободном сотрудничестве стран-членов, и всего 20% -

на создании единого государства. Чем большую близость чувствовали респонденты к ČR, тем чаще они предпочитали модель кооперации единому государству.

В целом сравнение данных 1995 и 2003 гг. продемонстрировало некоторое ослабление государственно-правовой компоненты чешской идентичности. В эти годы произошел сдвиг скорее к этнокультурному содержанию идентичности под влиянием нарастания разочарования в политике и власти с середины 1990-х годов. Прошедшее десятилетие специалисты считают неблагоприятным для проявления чешской национальной идентичности. В эти годы в публицистике и выступлениях политиков часто звучала мысль о том, что она теряет актуальность в условиях интеграции в ЕС.

Понятие "национальная идентичность" тесно связано с понятиями "гражданское общество" и "социальная солидарность" как взаимодополняющими. О свободном гражданине, считается в Чехии, можно говорить в том случае, если составной частью его свободы является возможность проявления солидарности и самоидентификации с совокупностью людей, с которой его связывают язык, общее историческое прошлое, труд, обычаи, традиции, народное искусство, общие ожидания от будущего [22]. Что касается собственно чешской идентичности, то она всегда была неотделима от гражданской и социальной ответственности чешского человека, его способности к разумному соотношению адаптации и сопротивления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коровицына Н.В.* Самая "бархатная" революция: "чешский человек" на фоне общественных перемен // *Славяноведение*. 2000. № 3. С. 16-26.
2. *Machonin P.* Česká společnost a sociologické poznání. Problémy společenské transformace a modernizace od poloviny šedesátých let 20. století do současnosti. Pr., 2005. С. 139; *Коровицына Н.В.* С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003. С. 273.
3. *Holý L.* Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Pr., 2001.
4. *Mlčoch L., Machonin P., Sojka M.* Ekonomické a společenské zřetny v české společnosti po roce 1989. Pr., 2000.
5. *Potůček M. a kol.* Průvodce krajinou priorit pro Českou Republiku. Pr., 2002. S. 213.
6. *Medvec St.E.* Polands and Czechoslovakia // *The Polish Review*. 1991. № 4.
7. *Vize rozvoj České Republiky do roku 2015*. Pr., 2001. S. 122-123.
8. *Možný I.* Proč tak snadno... Některé rodinné důvody sametové revoluce. Pr., 1991.
9. *Havelka M.* Český konservatismus a konservativní intelektuálové // *Sociológia*. 2002. № 1. S. 6-7.
10. *Heilingarová A., Trnková Z.* Formuje se nova generace? / Česká společnost na konci tisíciletí. Díl 2. Pr., 1999. S. 64.
11. *Možný I.* Česká rodina v době pozdní modernity / *Ibid*. Díl 1. S. 31.
12. *Tuček M. a kol.* Česká rodina v transformaci. Stratifikace, dělba foli a hodnotové orientace. Pr., 1998. S. 36.
13. *Kandert J.* Rodinné hodnoty v měnícím Československu // *Český lid*. 1993. № 1. S. 2-3.
14. *Možný I.* The Czech family / Social reform in the Czech Republic. Prague papers on social responses to transformation. Vol. II. Pr., 1994. P. 67.
15. *Friedlanderová H., Tuček M.* Češi na prahu nového tisíciletí. Pr., 2000. S. 181-186.
16. *Chaloupková J., Šalamounova P.* Postoje k manželství, rodičovství a k rolím v rodině v České republice a v Evropě. (Sociologické studie/Sociological Studies). Pr., SÚ AV ČR. 2004. № 7. S. 18.
17. *Hamplová D.* Životní spokojenost: rodina, práce a další faktory. (Sociologické studie/Sociological Studies). Pr., SÚ AV ČR. 2004. № 5. S. 36.
18. *Van der Lippe G., Fodor E.* Changes in gender inequality in six Eastern European countries // *Acta sociologica*. 1998. Vol. 41. №2. P. 146.
19. *Katřínák T.* Strukturální příčiny poklesu sňatečnosti a nárůstu svobodných v devadesátých letech v České republice // *Sociologický časopis*. 2001. № 2. S. 225.
20. *Nedomová A., Kostecký T.* Národní identita. Pr.: SÚ AV ČR, 1996. S. 35.
21. *Vlachová K., Řeháková B.* Národ, národní identita a národní hrdost v Evropě // *Sociologický časopis*. 2004. №4.
22. *Vlachová K., Řeháková B.* Česká národní identita po zániku Československa a před vstupem do Evropské unie. (Sociologické studie/Sociological Studies). Pr., SÚ AV ČR. 2004. № 9.